

Отголоски ПРОШЛОГО

Иногда прошлое не отпускает.
Даже когда всё уже сказано.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

А С Я Л И Н

18+

Asya Lin

Отголоски прошлого

«Автор»

2026

Lin A.

Отголоски прошлого / A. Lin — «Автор», 2026

После трагедии, случившейся в восемнадцать, Вера нашла тихую гавань в материнстве, усыновив ребенка. Годы шли, раны постепенно затягивались, и жизнь казалась налаженной. Но однажды в её жизнь вошел Ярослав. Обаятельный и уверенный в себе, он словно луч света пронзил тьму её прошлого. Вера влюбилась, открываясь новому чувству, которое обещало исцеление и счастье. Однако судьба приготовила ей жестокое испытание. Книга Веры и Ярослава. (Из книги "Тень прошлого"). НЕ ХЭ

© Lin A., 2026

© Автор, 2026

Asya Lin

Отголоски прошлого

От автора:

Я не знаю почему вы открыли эту книгу, но надеюсь, в вашей жизни сейчас все хорошо. Я пишу эту историю, потому что я чувствую, что она должна быть написана. Это нелегкое чтение, и я понимаю, если вы решите остановиться. Но если вы продолжите, я обещаю, что вы увидите мир глазами другого человека, человека, который пережил невообразимое.

Я старалась писать честно, без прикрас, но и без излишнего смакования жестокости. Цель — показать не сам акт насилия, а его последствия, внутренние и внешние. Как страх сковывает, как тело становится чужим, как доверие к миру рушится. Но также показать, как постепенно, шаг за шагом, героиня начинает собирать себя заново, восстанавливая свою идентичность и свою волю к жизни.

Если после прочтения этой книги у вас возникнут вопросы, если вы почувствуете желание поговорить, не молчите. Ищите поддержку, говорите о том, что вас волнует. Потому что только через диалог, через открытость мы можем исцелиться и помочь исцелиться другим. Эта история — лишь один из множества голосов, которые звучат сегодня. И каждый из них заслуживает быть услышанным.

Ваша жизнь бесценна.

ГЛАВА 1. Вера.

– Вера, привет, не хочешь сегодня сходить прогуляться? – Звонок от Артёма как глоток свежего воздуха, как луч солнца, пробившийся сквозь серые тучи в моей душе. Каждый раз, когда я слышу его голос, мир вокруг словно замирает, и все мои мысли сосредотачиваются только на нем. Восемнадцать лет – возраст мечтаний и надежд, и моя самая большая надежда – Артём.

– П-привет, Артём, – пролепетала я, стараясь, чтобы голос не выдал мое волнение. – Конечно, хоч! Куда пойдем?

– Я думал пригласить тебя на вечеринку, – ответил он.

Мои щеки порозовели, и сердце забилося так сильно, что, казалось, он слышит его стук даже по телефону.

– Хорошо, – выдохнула я. – Во сколько?

– Давай через час у твоего дома?

– Д-да, до встречи! – И, не дожидаясь ответа, я сбросила звонок. Час! Всего час, чтобы подготовиться к возможно, самому важному свиданию в моей жизни.

Бегом к зеркалу! Волосы, макияж... Что надеть? Нужно выглядеть естественно, но при этом неотразимо. Кажется, я знаю, что надену. Мое любимое серое платье, облегающее фигуру, оно всегда поднимает мне настроение.

Может быть, сегодня он поймет, что я чувствую к нему. Может быть, сегодня я осмелюсь сказать ему о своей любви. Однажды рискнув, можно навсегда изменить свою жизнь. И я готова рискнуть. Ради него. Но чем для меня это обернулось... Если бы я знала, то в тот момент послушала брата и осталась дома.

После разговора с братом я выскочила на улицу. У дома меня ждал Артём, он открыл пассажирскую дверь, усадил меня в машину. Обошел автомобиль и сел на водительское сидение, плавно тронувшись с места. Спустя несколько минут, я решила уточнить:

– Артём, а куда мы едем? – спросила я, чувствуя нарастающее беспокойство.

– Это сюрприз, Вера. Не волнуйся, тебе понравится, – ответил он загадочно, и в его голосе я услышала то, что заставило кровь похолодеть. Это был не тот Артём, которого я знала.

Когда мы подъехали к заброшенному зданию, мои руки покрылись мурашками. Это место выглядело зловеще: разбитые окна, облупившаяся краска, и какая-то давящая тишина.

– Артём, что это за место? Я не хочу сюда, – прошептала я, пытаюсь открыть дверь машины. Но он схватил мою руку и крепко сжал ее.

– Не бойся, Вера. Просто доверься мне, – сказал он, и в его глазах я увидела тьму. В этот момент я поняла, что совершила огромную ошибку, доверившись ему. Вечер переставал быть томным.

Отчаянно дернувшись, я попыталась вырваться, но его хватка была железной. Страх сковал меня, парализовал волю. Я начала пытаться выбраться из машины, но Артём выволок меня за волосы из машины и потащил в здание. Мои каблукы цеплялись за неровную землю, платье задиралось, но он не обращал на это внимания. Он тащил меня, как куклу, лишенную воли и голоса.

Внутри здания было еще хуже. Запах сырости и гнили ударил в нос, в полумраке едва проглядывали очертания комнат. Артём толкнул меня в одну из них. Я упала на грязный пол, больно ударившись коленями. С ужасом я смотрела, как он подходит ко мне, а в его руках блеснул нож.

– Ты всегда была такой дурочкой, Вера, – прошипел он, наклоняясь надо мной. – Думала, я люблю тебя? Ты была просто игрушкой.

Слезы лились по моим щекам. Я пыталась что-то сказать, но слова застревали в горле. Я видела в его глазах только ненависть и злобу. Неужели все, что я чувствовала к нему, было ложью? Неужели я так ошиблась в этом человеке?

За своими мыслями, я не заметила как в комнате появилось еще четверо мужчин, они насмехались.

Сердце бешено колотилось, словно птица в клетке, готовая вырваться на свободу. Я отползла назад, пытаюсь увеличить расстояние между собой и этой компанией. Они окружили меня, словно хищники, готовые наброситься на добычу. В их глазах читалось похотливое любопытство и злорадство. Артём ухмыльнулся, наблюдая за моей паникой.

– Ребята, смотрите, какая куколка к нам приехала, – произнес один из мужчин, мерзко облизывая губы. – Давно таких не видели.

Я закричала, пытаюсь привлечь хоть чье-то внимание, но мой голос утонул в гулких стенах заброшенного здания. Артём подошел ко мне и зажал рот рукой, чтобы я не кричала. Слезы градом катились по щекам.

Артём поднес нож к моему лицу, острие коснулось щеки. Я зажмурилась, ожидая неминуемого. Но вместо боли услышала его смех, холодный и злой. Он отдернул нож и отбросил его в сторону.

– Нет, Вера, я не буду тебя убивать сразу. Сначала ты помучаешься. – Он кивнул своим сообщникам, и те схватили меня за руки и ноги. Я отчаянно сопротивлялась, кричала, звала на помощь, но мои вопли тонули в тишине заброшенного здания. Они повалили меня на какое-то подобие кровати, и я почувствовала, как грубая ткань платья рвется под их цепкими руками. Слезы душили меня, страх парализовал.

Один из мужчин грубо зафиксировал мои ноги, другой держал руки над головой. Я пыталась вырваться, но их хватка была мертвой. Артём стоял надо мной, его глаза горели злобой.

– Нет, хватит! – прохрипела я, чувствуя, как расползается паника внутри.

Он проигнорировал мою мольбу и подал знак своим друзьям. Ремень больно врезался в мои запястья, фиксируя руки над головой. Ноги сковали веревкой, привязав к ножкам кровати.

– Пожалуйста, перестаньте, мне больно... Аааа!

Одежда трещала под грубыми руками. Я чувствовала себя беззащитной, униженной, словно дикое животное, попавшее в капкан.

– Нееееет, хватит, Артём, пожалуйста!

Артём наклонился ко мне, его дыхание обжигало лицо. В глазах плескалось торжество. Он наслаждался моей беспомощностью, моим ужасом. Его пальцы грубо прошлись по моему лицу, оставляя на коже неприятный след.

Один из мужчин, с сальной ухмылкой, провел рукой по моему бедру. Я дернулась, пытаюсь увернуться, но тщетно. Мои движения были скованы, зависимы от их воли. Отвращение волной прокатилось по телу, заставляя содрогаться от каждого прикосновения.

Я закрыла глаза, пытаюсь отгородиться от происходящего кошмара. В памяти всплывали обрывки счастливых моментов, лица близких людей. Как бы я хотела сейчас оказаться рядом с ними, почувствовать их поддержку и любовь. Но вместо этого я была здесь, в этом проклятом месте, во власти этих чудовищ.

Сквозь пелену слез я увидела, как Артём достает из кармана телефон. Он что-то снимает, ухмыляясь в камеру. Мой протест был бесполезен, его смех – оглушительен. Каждое его действие – словно удар ножом в сердце.

Я снова закричала, но звук застрял в горле.

– Хватит, я умоляю тебя. Мне больно. – шептала я, захлебываясь слезами. Но мои мольбы тонули в их злорадном хохоте. Они глумились надо мной, снимали на телефоны, как я извиваюсь и пытаюсь вырваться. Каждый их взгляд, каждое прикосновение обжигало, словно клеймо.

Артём, словно кукловод, дергал за ниточки моего страха. Он наслаждался своей властью, моей беспомощностью. Я чувствовала, как надежда покидает меня, оставляя лишь леденящий ужас. Всё происходящее казалось кошмарным сном, из которого невозможно проснуться.

Они менялись местами, кто то стоял у моего лица, вторгаясь в рот, кто то пытался втолкнуть в мои руки, но я чувствовала одно, как меня разрывают там, внизу, вторгаясь без сожаления, убивая меня морально. Они менялись местами но напор не спадал, я чувствовала как один из них вколачивался в мою промежность с такой силой, что казалось, кости таза трещат, разносятся в щепки, как старое, сухое дерево под топором. Боль пульсировала, множилась, заполняла собой все существо, от кончиков пальцев до корней волос. Не было возможности укрыться, спрятаться от этого всепоглощающего кошмара.

Мир сузился до боли и липкого ужаса. Я пыталась отвернуться, закрыть глаза, но их лица, искаженные ненавистью и похотью, преследовали меня в темноте. Каждое движение причиняло адскую боль, каждое прикосновение отзывалось тошнотворной волной в животе. Я чувствовала себя сломанной куклой, которую безжалостно терзают.

В какой-то момент, кажется, сознание начало покидать меня. Я видела все словно сквозь мутное стекло, звуки приглушились, и боль стала какой-то отстраненной, нереальной. Я больше не чувствовала своего тела, только где-то глубоко, внутри, что-то надрывалось и умирало.

Я не знала, сколько это продолжалось. Время потеряло свою значимость, превратившись в бесконечный, мучительный кошмар. Когда все закончилось, я лежала на полу, не в силах пошевелиться. Мое тело было избито и сломлено, а душа раздавлена.

Внезапный треск сломанной двери эхом разнесся по комнате, но я даже не вздрогнула. Слишком поздно. Слишком поздно для всего. Я слышала его крик, я узнала бы его голос из тысячи – это Максим. Мой брат. Но я не могла пошевелиться. Не могла даже открыть глаза.

Он кричал, ругался, а потом... тишина. Только хриплые вздохи и приглушенные удары. Я представила, как он бросился на них, как дикий зверь, защищая свою сестру. Но их было пятеро. И они были пьяны от вседозволенности и собственной жестокости.

Сквозь пелену боли и отчаяния я услышала, как они уходят. Смех, похвалы, сальные шутки. Они не боялись. Они знали, что им ничего не будет. И тогда я почувствовала, как кто-то осторожно прикасается ко мне. Теплые, знакомые руки.

– Вера... Верочка, это я, Макс. Я здесь. – Его голос дрожал, в нем было столько боли, что мне самой стало больно. Он поднял меня на руки, словно я ничего не весила. Я чувствовала, как его слезы падают на мое лицо. Но я ничего не могла сказать. Ничего не могла сделать. Я была мертва. Внутри. Навсегда.

ГЛАВА 2. Вера.

Максим вынес меня из проклятого здания, словно хрупкую куклу. Мир вокруг плыл, краски смешались в один сплошной серый тон. Я чувствовала только его тепло, его дрожащие руки, и это было единственным, что удерживало меня от окончательного погружения в бездну. Он посадил меня в машину, прижал к себе.

– Я прошу тебя, Вера, держись. Только не сейчас, не сдавайся. Всё будет хорошо, слышишь? Я обещаю.

Его слова звучали приглушенно, словно издалека, но я чувствовала, как его дыхание касается моего лица. Я попыталась сфокусировать взгляд, увидеть его, но перед глазами плясали лишь размытые тени. Боль – тупая, ноющая боль – пронизывала каждую клеточку тела, словно я была сделана из стекла и меня разбили на миллион осколков.

Я хотела сказать ему что-то, успокоить, заверить, что всё в порядке, но из горла вырвался лишь хрип. Максим прижал меня еще сильнее, и я почувствовала, как влага пропитывает мою одежду. Он плакал. Максим плакал из-за меня. Эта мысль пронзила меня острее боли, вызвав новый прилив слабости. Я должна была быть сильной ради него.

– Я постараюсь, – прозвучало жалко и неубедительно даже для меня самой. Я чувствовала, как жизнь медленно, но верно утекает сквозь пальцы, как песок сквозь неплотно сжатую ладонь. Мне было страшно. Страшно не за себя, а за Максима. Что будет с ним, когда меня не станет? Кто позаботится о нем так, как я?

Я попыталась поднять руку, дотянуться до его лица, но сил хватило лишь на слабое шевеление пальцами. Максим перехватил мою ладонь, прижал ее к своей щеке. Его кожа была мокрой от слез и холодной от страха. Я чувствовала, как его тело дрожит.

– Вера, прошу тебя, не молчи, – прошептал он, его голос сорвался. – Скажи хоть что-нибудь. Что тебе нужно? Я сделаю всё, что угодно.

Я сглотнула, пытаясь промочить пересохшее горло. Слова давались с трудом, словно приходилось продираться сквозь колючую проволоку.

– Ма... Максим... – выдохнула я, ощущая, как каждое слово отзывается болью в груди. – С... скажи... маме... что я... люблю её.

Я знала, что эти слова – это признание, что я сдаюсь. Что я больше не могу бороться. Но я не могла уйти, не попрощавшись. Не оставив хоть маленькую частичку себя тем, кого любила больше всего на свете.

Максим вздрогнул, словно от удара.

– Нет, Вера, не говори так. Ты будешь жить, ты понимаешь? Мы справимся. Я клянусь, я найду этих ублюдков. Они заплатят за все, что сделали с тобой. Но сначала, тебе нужно выздороветь. Слышишь? Выздоравливай!

Он говорил быстро, отрывисто, в его голосе звучала отчаянная надежда. Но я знала, что он боится не меньше меня. Он видел, как я угасаю, и ничего не мог с этим поделать. И это мучило его еще сильнее.

Я закрыла глаза, пытаясь унять накатывающую тошноту. Мир вокруг продолжал вращаться, но теперь я чувствовала не только физическую боль, но и жгучий стыд. Стыд, что я позволила этому случиться. Стыд, что я не смогла защитить себя. И стыд, что теперь я причиняю столько боли Максиму.

– Прости, – прошептала я, прежде чем провалиться в темноту.

Темнота приняла меня в свои объятия, прохладные и успокаивающие. Боль отступила, оставив лишь глухую пустоту внутри. Я словно парила в невесомости, где не было ни времени, ни пространства. Но даже в этой бездне меня не покидали воспоминания. Лица родных, моменты счастья, обрывки разговоров – все проносилось перед глазами, словно кадры старого фильма.

Внезапно я почувствовала слабое покалывание в пальцах. Звуки стали возвращаться, сначала приглушенные и неразборчивые, а затем все более отчетливые. Я попыталась открыть глаза, но веки словно налились свинцом. С трудом преодолев это сопротивление, я увидела размытое изображение над собой. Белый потолок, яркий свет ламп и силуэт склонившегося надо мной человека.

– Вера? Вера, ты слышишь меня? – донесся до меня знакомый голос.

Я попыталась ответить, но вместо слов из горла вырвался лишь хрип. Максим. Он был здесь. Его лицо, измученное и встревоженное, приблизилось ко мне. В глазах читалась отчаянная надежда, смешанная с болью.

– Тише, тише, не говори ничего, – прошептал он, бережно касаясь моей руки. – Все будет хорошо. Ты в больнице. Ты в безопасности.

Я попыталась улыбнуться, но мышцы лица отказывались слушаться. Боль вернулась, но теперь она была терпимой, словно приглушенной анестезией. Я чувствовала себя слабой и разбитой, но живой. И этого было достаточно.

В палату вошла медсестра, ее профессиональный взгляд скользнул по мониторам, подключенным к моему телу. Она что-то быстро сказала Максиму, и он послушно отошел в сторону, освобождая ей место. Медсестра осмотрела меня, проверила пульс и давление, а затем повернулась к Максиму.

– Ей нужен отдых, – сказала она тихо. – Вам тоже стоит немного поспать. Вы всю ночь не отходили от нее.

Максим кивнул, соглашаясь. Он выглядел измученным, но счастливым. Его глаза сияли надеждой, и это придавало мне сил. Он взял мою руку в свою, нежно сжал ее и прошептал:

– Я скоро вернусь. Отдохни.

Я закрыла глаза, позволяя усталости захватить меня. Я чувствовала себя в безопасности, зная, что Максим рядом.

Сквозь пелену наступающего сна я услышала обрывок их разговора. Голос медсестры звучал приглушенно и отдаленно:

– Ей повезло, что вы так быстро ее нашли... это чудо, что она жива...

Когда я проснулась, в палате было тихо и сумрачно. Солнце пробивалось сквозь щели жалюзи, рисуя на стене полосы света. Я попыталась приподняться, но резкая боль пронзила все тело. Я застонала и упала обратно на подушку.

В этот момент дверь тихонько открылась, и в палату вошел Максим. Он выглядел встревоженным и сразу же подбежал ко мне.

– Вера! Ты проснулась! Как ты себя чувствуешь? – его голос дрожал от волнения.

Я попыталась улыбнуться ему.

– Все хорошо, Макс. Спасибо, что ты здесь.

Он крепко сжал мою руку, и в его глазах я увидела столько любви и заботы, что мне стало неловко. Всегда он рядом, всегда поддержит. Мой брат, моя опора. Как же я могла так глупо подумать... Но лучше бы не спас.

В голове туман. Я помню... обрывками, вспышками. Грязный подвал. Лица... чужие, злобные и Артем... Запах сырости и страха. Их было пятеро. Слишком много. Они смеялись, толкали друг друга. А потом...

Я закрыла глаза, чтобы остановить поток воспоминаний, но они, словно хищные звери, набросились с новой силой. Их руки, грубые и сильные, терзали мое тело. Их голоса, хриплые и пьяные, звучали как приговор. Я кричала, умоляла, но они лишь сильнее сжимали меня, глумясь над моей беспомощностью.

Боже, за что? Что я сделала не так? Зачем они так со мной? А Артем? Что ему сделал Макс? Ненавижу. Презираю. Хочу забыть, но это отравляет меня.

Хотела бы я сейчас провалиться сквозь землю, исчезнуть, никогда не существовать. Чтобы не помнить, не чувствовать эту грязь, этот ужас. Лучше бы они убили меня там, в подвале. Лучше смерть, чем жить с этим внутри.

Максим... он не должен был меня спасать. Он не должен был видеть меня такой сломленной, такой грязной. Теперь я – обуза для него. Сломанная кукла, которая никогда не сможет стать прежней. Он смотрит с братской любовью, но я, глядя на себя, вижу только омерзение.

Я отвернулась от Максима, пряча взгляд, полный боли и отчаяния. Он не должен видеть мои слезы, не должен знать, что творится в моей душе. Но он, как всегда, почувствовал неладное.

– Вера? У тебе что-то болит? – он обеспокоено смотрел на меня, пытаясь заглянуть в глаза.

Я молчала, не в силах произнести ни слова. Как объяснить, что они забрали у меня не только тело, но и душу? Как жить дальше с этим грузом, зная, что никогда не буду прежней?

– Вера, прошу тебя, скажи мне что-нибудь...

В его голосе звучала такая искренняя забота, что я не выдержала и разрыдалась. Слезы текли ручьем, обжигая щеки. Я не могла остановиться, не могла сдержать этот поток боли и отчаяния, который захлестнул меня с головой. Максим обнял меня, прижал к себе, и я почувствовала, как его тепло постепенно согревает мое заледеневшее сердце.

– Все хорошо, Вера, все хорошо, – шептал он, глядя меня по голове. – Я рядом, и я не позволю больше никому причинить тебе вред. Все будет хорошо.

Я хотела ему верить, но как поверить в хорошее после того, что случилось? Слова Максима звучали как музыка, как обещание спасения, но в моей душе поселился такой глубокий страх, что он омрачал все вокруг. Я боялась поверить в счастье, боялась снова почувствовать себя уязвимой.

Прошло несколько минут, прежде чем я смогла хоть немного успокоиться. Слезы постепенно перестали течь, и я, наконец, подняла на Максима заплаканные глаза. В них он увидел всю ту боль, которую я так отчаянно пыталась скрыть. Он понимал, что слова здесь бессильны, что мне нужно время, чтобы прийти в себя.

ГЛАВА 3. Вера.

Максим молча вытер мои слезы, не задавая лишних вопросов. Он просто был рядом, его присутствие – единственное, что сейчас имело значение. Я чувствовала его любовь, его поддержку, и это немного унимало боль.

Вскоре я уснула, измученная переживаниями. Сквозь сон слышала обрывки разговоров, чувствовала тепло его руки, державшей мою. Утром проснулась с ощущением тяжести в груди, но воспоминания уже не были такими яркими, такими болезненными. Максим сидел рядом, читал книгу. Увидев, что я проснулась, он отложил чтение и улыбнулся.

– Доброе утро, Вера. Как ты себя чувствуешь? – спросил он тихо.

– Лучше, – ответила я, и это было правдой. Но лишь немного лучше. Впереди еще долгий путь к выздоровлению, и я не уверена, что смогу до него дойти. Но знаю одно: я не одна. У меня есть Максим, и он не оставит меня. Надо поговорить с психологом. Возможно, терапия поможет.

Я взяла его руку в свою и крепко сжала. В его глазах я увидела не только любовь, но и решимость. Решимость помочь мне справиться со всем этим. И может быть, вместе мы сможем найти свет в этой тьме.

После осмотра врач сообщил, что физически я здорова, насколько это возможно в моей ситуации. Он также отметил, что для полного восстановления потребуется время и профессиональная помощь. Было решено, что меня выпишут домой.

Максим помог мне собраться, его движения были аккуратными и заботливыми. Дорога домой казалась бесконечной. Я смотрела в окно, но видела лишь размытую картину. Мысли кружились в голове, не давая сосредоточиться на чем-либо конкретном.

Дома меня ждала тишина. Максим приготовил легкий обед, но я смогла съесть лишь пару ложек. Он не настаивал, просто сидел рядом, готовый поддержать в любой момент. Вечером он включил мой любимый фильм, но я почти не смотрела на экран. Я просто чувствовала его присутствие, его тепло, и это помогало не провалиться в бездну отчаяния.

Мы договорились, что завтра позвоним психологу и запишемся на прием. Этот шаг казался сложным, но необходимым. Я понимала, что сама не справлюсь с этим кошмаром. Мне нужна помощь профессионала, который поможет мне разобраться в себе и найти силы жить дальше.

Ночь принесла тревожный сон. Я просыпалась в холодном поту, с криком застревающим в горле. Максим обнимал меня, шептал успокаивающие слова, пока я снова не засыпала. И так повторялось несколько раз за ночь. Я знала, что впереди много трудных дней, но верила, что вместе мы сможем преодолеть все.

С рассветом тревога не отступила. Чувство нереальности происходящего преследовало меня. Каждый предмет в квартире казался чужим, каждое воспоминание – болезненным уколом. Максим старался не оставлять меня одну ни на минуту, но это лишь усиливало мою беспомощность.

– Верусь, мне нужно отъехать на пару часов, – тихо сказал Максим, отрывая меня от созерцания кофейной гущи в чашке. – Есть одно важное дело, которое нельзя отложить.

Я посмотрела на него, не понимая. Куда он мог поехать в такой момент? Сердце забилося тревожно.

– Но... куда? Не оставляй меня сейчас, пожалуйста.

– Мне нужно кое-что уладить. Обещаю, вернусь как можно скорее. Буду звонить каждый час. Пожалуйста, побудь здесь, почитай книгу, посмотри что-нибудь. Я скоро буду, – его голос был твердым, но полным беспокойства.

Когда он уехал, я поднялась из-за стола. Ноги словно не слушались меня, каждый шаг отдавался гулкой болью в голове. Я шла, словно во сне, сквозь льющиеся слезы. В голове билась лишь одна мысль – избавление. Я направилась в ванную комнату.

Щелчок замка прозвучал оглушительно. Я взглянула на свое отражение в зеркале – бледное лицо, запавшие глаза, тень отчаяния. Руки дрожали, когда я открыла шкафчик и достала заветный пузырек с таблетками.

Воспоминания нахлынули с новой силой, каждая секунда прошлого проживалась вновь, причиняя нестерпимую боль. Я видела его лицо, слышала его голос, чувствовала его прикосновения... и понимала, что больше никогда этого не будет. Слезы катились градом, смешиваясь с горьким отчаянием. Я открыла пузырек, высыпала таблетки в ладонь. Их вид одновременно пугал и манил, обещая избавление от мук.

Вдруг в дверь кто-то постучал. Сначала тихо, потом настойчивее. Я замерла, прислушиваясь.

– Вера? Вера открой!

Голос Максима! Он вернулся! Сердце бешено заколотилось, сметая все мысли о таблетках. Я бросилась к двери, дрожащими руками открыла замок.

Он стоял на пороге, бледный и взволнованный. В руках у него был букет моих любимых лилий.

– Вера, прости, что так надолго. Я... – он осекся, заметив мой вид. Его взгляд упал на мою ладонь, полную таблеток. В его глазах отразился ужас. – Вера, нет! – он бросился ко мне, выхватил таблетки и отбросил их в сторону. Обнял меня крепко-крепко, прижал к себе.

Я плакала, захлебываясь слезами, а он гладил меня по голове, шептал успокаивающие слова.

– Все будет хорошо, Верусь. Я рядом. Мы справимся. Обещаю.

В его объятиях я почувствовала себя немного лучше, немного спокойнее. Может быть, он прав? Может быть, действительно есть надежда? Может быть, вместе мы сможем найти выход из этой тьмы?

Я не знала. Я просто стояла, прижавшись к нему, и плакала. Мне было стыдно, страшно и безумно больно. Стыдно за свою слабость, страшно за будущее, больно от воспоминаний. И в то же время, в его объятиях я чувствовала крошечную искорку надежды. Может быть, он действительно сможет меня спасти?

Он отстранился, вытер мои слезы и посмотрел в глаза. В его взгляде не было ни упрека, ни осуждения, только любовь и забота. Он взял мое лицо в ладони и тихо сказал:

– Вера, послушай меня. Я знаю, тебе сейчас очень плохо. Но ты не одна. Я здесь, и я никуда не уйду. Мы вместе пройдем через это. Пожалуйста, позволь мне помочь тебе.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Он крепко обнял меня еще раз, а потом повел в комнату. Мы сели на диван, он взял меня за руку и просто сидел рядом, молча. Его присутствие было единственным, что сейчас имело значение.

Постепенно я перестала плакать. Дыхание выровнялось, сердцебиение немного успокоилось. Я посмотрела на Максима и увидела в его глазах такую любовь и решимость, что поверила – может быть, у нас действительно получится. Может быть, я не сломаюсь, может быть, я смогу снова жить.

Неделю спустя.

Максим вернулся домой позже обычного. У него был странный взгляд, какой-то очень серьезный. Он присел рядом со мной на диван, взял мою руку в свою.

– Вера, я должен тебе кое-что сказать. Помнишь, я уезжал тогда ненадолго? Я... я ездил в полицию. Сегодня мне позвонили. Они задержали их всех. Всех пятерых.

Я смотрела на него, не веря своим ушам. Задержали? Всех? Это казалось нереальным. Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Слезы навернулись на глаза, но на этот раз это были слезы облегчения. Надежда, которая теплилась во мне все это время, вдруг вспыхнула ярким пламенем.

– Они... они поймали их? – прошептала я, боясь нарушить хрупкую тишину.

Максим кивнул, его глаза сияли.

– Да, Вера. Они ответят за то, что сделали с тобой. Это еще не конец, но это большой шаг вперед.

Он обнял меня, и я почувствовала, как напряжение, сковавшее меня все эти дни, постепенно отступает. Впервые за долгое время я почувствовала себя немного свободнее, немного сильнее. Злость, обида и боль никуда не исчезли, но теперь к ним добавилось чувство справедливости. И это давало мне силы идти дальше.

– И еще, Вера. Я нашел тебе психолога. Он рекомендован ассоциацией жертв насилия. Говорят, он очень хороший специалист. Я понимаю, что тебе сложно об этом говорить, но я думаю, что помощь специалиста тебе необходима. Я хочу, чтобы ты знала, что я буду рядом с тобой каждый шаг пути.

Я молча кивнула, сглотнув ком в горле. Мысль о том, чтобы рассказывать кому-то чужому о пережитом, вызывала во мне дрожь. Но я понимала, что Максим прав. Мне нужна помощь, чтобы справиться с этим кошмаром, который преследовал меня во снах и наяву.

– Я пойду, – тихо сказала я, уткнувшись лицом в его плечо. – Я попробую.

Максим крепче обнял меня.

– Спасибо, Вера. Я знаю, что тебе это будет непросто. Но я верю в тебя. Ты сильная, ты справишься.

ГЛАВА 4. Вера.

Вечером мы ужинали молча, но в тишине не было прежней тяжести. Максим рассказывал о мелочах:

– Сегодня подписали новый контракт... Многие думают, что скоро будут выборы... Я взломал аккаунт одного человека.... Сегодня была прекрасная погода... Она удочерила ребенка, представляешь...? Я до сих пор ее люблю... представляешь?

Я слушала его, кивала, но слова пролетали мимо. В голове крутилось одно: *«Он пытается»*. Пытается вернуть меня к жизни, к этим бессмысленным разговорам о погоде и политике.

– Вера, ты вообще меня слышишь? – Максим положил вилку, его глаза стали мягче. – Можешь не отвечать. Просто... знай, что я здесь.

Я сжала пальцы вокруг стакана. Вода дрожала, как мои мысли. Хотелось крикнуть:

«Нет, ты не здесь! Ты не знаешь, каково это!»

Но вместо этого я сделала глоток. Холодное стекло прилипло к ладони.

– Помнишь, как мы в детстве прятались в шкафу? – неожиданно спросил он. – Мама ругалась, что царапаем двери...

В углу глаза защипало. Я резко провела рукой по лицу. Не сейчас. Не перед ним.

После ужина я почувствовала усталость, которая навалилась внезапно, как волна.

– Я лягу пораньше, — сказала я, целуя его в щеку.

– Я буду спать в твоей комнате на кресле. Разбуди меня, если тебе будет некомфортно. Доброй ночи.

Я легла в постель, накрывшись одеялом до подбородка. Комната была тихой, только часы тикали на стене. Сон пришел быстро, но не принес покоя. Во сне я снова оказалась в том темном переулке, где все началось. Тени сгущались, и вдруг они появились — пятеро мужчин, их лица искажены злобой и похотью. Они окружили меня, грубые руки схватили за плечи, за волосы, разрывая одежду. Я пыталась кричать, но голос застрял в горле, а тело онемело от ужаса.

Один из них, с тяжелым дыханием, прижал меня к холодной стене, его пальцы впились в кожу. Другие смеялись, подначивая, их руки ползли по моему телу, срывая последние клочки защиты. Боль пронзила меня, как нож, когда первый вошел в меня насильно, а остальные ждали своей очереди, держа меня неподвижно. Я боролась, царапалась, но силы покидали меня, и мир расплывался в слезах и унижении. Это было не просто воспоминание — сон усилил кошмар, делая его бесконечным, повторяющимся в агонии.

«Этого не было, это не те события! Проснись, Вера! Все кончено. Твоя фантазия просто играет с тобой! Проснись!!!» – кричало подсознание.

Я проснулась в поту, задышавшись, с сердцем, колотящимся в груди. Комната была все той же, Максим спал рядом в кресле, но страх не отпускал. Я села в постели, обхватив колени руками, и тихо заплакала. Утро обещало новый день, но события недельной давности все еще цеплялись за меня. Теперь, зная, что они пойманы, я должна была найти способ отпустить это.

Соскочив с кровати, я бросилась к Максиму.

– Максим, пожалуйста, – прошептала, трогая его плечо. – мне срочно нужен психолог, сейчас.

Максим мгновенно проснулся, его глаза, еще мутные от сна, сразу же стали ясными и сосредоточенными.

– Вера, что случилось? – спросил он, садясь на кресле и беря мои руки в свои.

– Мне... мне нужна помощь, – прошептала я, чувствуя, как слезы снова катятся по щекам.

– Я не могу это больше терпеть.

Он притянул меня к себе, обняв крепко, как будто хотел защитить от всего мира.

– Хорошо, – сказал он твердо.

Мы сидели так несколько минут, пока мое дыхание не выровнялось. Максим гладил мои волосы, словно успокаивая ребенка.

– Я так боюсь, – призналась я, прижимаясь к нему. – Эти сны... они как будто настоящие. Я снова там, и не могу выбраться.

– Ты выбралась, – сказал он тихо, но уверенно. – Ты здесь, со мной. Это просто воспоминания, они не властны над тобой. Мы справимся.

Я кивнула, хотя внутри все еще дрожало. Максим встал, взял телефон и начал набирать номер.

– Мне дали контакт хорошего психолога, он специализируется на таких случаях, – объяснил он, пока звонил. – Он поможет тебе пройти через это.

Я села на кровать, слушая его разговор. Голос Максима был спокойным, но я чувствовала, как он напряжен. Он договаривался о встрече на сегодня..

– Все устроено, – сказал он, положив телефон. – Через два часа мы будем у него.

Я посмотрела на него, пытаясь найти хоть каплю уверенности в его глазах.

– Спасибо, – прошептала я.

– Я всегда рядом, – ответил он, садясь рядом и беря мою руку. – Мы справимся. Вместе.

Я закрыла глаза, пытаясь поверить его словам. Но где-то в глубине души все еще звучал голос, шепчущий: *а вдруг не справимся?*

Максим заметил, как я вновь погрузилась в свои мысли, и, наклонившись, коснулся моего подбородка, заставляя встретиться с его взглядом. В этом моменте было столько тепла и уверенности, что я почти забыла о своем страхе. Но, увы, напоминание о ночных кошмарах, как назойливый муравей, продолжало ползти по моему сознанию, заставляя суетиться внутри.

– Давай подумаем о том, что мы сделаем после встречи с психологом, – предложил он, пытаясь отвлечь меня. – Может, прогуляемся по парку? Это всегда помогает мне снять напряжение.

Я кивнула, стараясь визуализировать, как мы вместе идем по тропинкам, утопая в осенних листьях. Но даже эта картина не могла полностью приглушить внутренний гул страха. Он, словно тень, следовал за мной даже в мирных вдохах.

Максим поднялся и начал собирать вещи, которые могли бы понадобиться. Я наблюдала за его движениями, чувствуя, как его энергия постепенно передается и мне. Каждый его шаг казался уверенным, и я старалась впитаться в эту уверенность.

– Я знаю, это непросто, – тихо произнес он, замечая мой взгляд. – Но помни, ты не одна. Это не только твоя борьба, это и моя. Мы вместе пройдем через все это.

Когда Максим привёз меня к платному психологу, я почувствовала, как внутри всё ёкнуло. С одной стороны, я понимала, что помощь мне нужна, но с другой — меня переполняли страх и стыд. Само слово «психолог» вызывало в голове образ человека с блокнотом, который будет пытаться влезть в мою душу, прочитав мои мысли, и я никогда не знала, как реагировать на подобное.

В кабинете было тихо, только изредка доносились звуки из-за стены. Психолог, женщина лет сорока, встретила меня с доброй, но настороженной улыбкой. Она пригласила сесть и начала разговор с простых вопросов о том, как я себя чувствую. Но, как только я попыталась

произнести первые слова о том, что произошло, голос мой задрожал, и слёзы, о которых я даже не подозревала, вновь потекли по щекам.

Не знаю, сколько времени прошло, когда Маргарита снова заговорила.

– Как ты чувствуешь себя в данный момент?

– Я чувствую себя... разбитой. Ощущение что меня бросили в темный колодец и от туда нет выхода.

– Тебя мучают кошмары по ночам? – Отложив ручку, женщина вновь посмотрела на меня.

– Да, но... это... было не так.

– Что ты чувствуешь, когда находишься в обществе с другими мужчинами?

– После этого случая, я еще не находилась в компании мужчин. – Поспешно добавила.

– Кроме Макса.

– Значит, ты доверяешь Максиму? – прозвучал следующий вопрос, словно эхо в тишине кабинета.

Я кивнула, не раздумывая.

– Да, я доверяю ему. Если бы не он... я не знаю, где бы я сейчас была.

– Хорошо. Это важно. Потому что тебе нужна крепкая опора в этот период. Ты пережила страшную травму, Вера, и восстановление потребует времени и сил. Но ты не одна. У тебя есть Максим, и теперь есть я. Вместе мы сможем помочь тебе. – Маргарита говорила мягко, ее слова, словно теплый плед, укутывали меня, смягчая остроту переживаний.

– Что мне делать? Как остановить эти кошмары? Как перестать чувствовать этот ужас внутри себя? – в голосе моем звучала отчаянная мольба.

– Начнем с малого, – ответила Маргарита. – Будем работать с твоими воспоминаниями, постепенно прорабатывая их и освобождая тебя от боли. Нам предстоит много работы, но я верю, что у нас все получится. Главное – не сдаваться и доверять процессу. Ты готова к этому?

Я глубоко вздохнула, собираясь с духом. Страх тянул меня назад, в пучину отчаяния, но слова Маргариты давали слабый проблеск надежды.

– Готова, – прошептала я, скорее себе, чем ей.

Маргарита ободряюще улыбнулась.

– Отлично. Тогда начнем с того, что определим, какие воспоминания вызывают у тебя самую сильную реакцию. Это могут быть зрительные образы, звуки, запахи – что угодно, что моментально возвращает тебя в состояние ужаса. Попробуй описать их мне, максимально подробно, но без лишних деталей, если это тебе причиняет сильную боль.

Я закрыла глаза, пытаюсь отыскать в памяти эти триггеры. В голове всплывали обрывки кошмарных сцен: темный силуэт, резкий запах сырости, мерзкие насмешки, звук разорванной одежды, крик... Я содрогнулась.

– Темнота, – прохрипела я. – И запах... Запах сырости.

– Хорошо, – спокойно произнесла Маргарита. – Это уже кое-что. Значит, когда ты чувствуешь себя в безопасности, но чувствуешь запах, похожий на сырость, или оказываешься в темноте... ты начинаешь паниковать?

Я кивнула, не в силах говорить. Маргарита взяла мою руку и легонько сжала ее.

– Все в порядке, Вера. Мы разберемся с этим. Помни, я здесь, чтобы помочь тебе.

Маргарита отпустила мою руку и достала из стола небольшой блокнот и ручку.

– Сейчас я научу тебя простому упражнению, которое поможет тебе справиться с паникой, когда ты почувствуешь приближение кошмара. Оно называется «Заземление». Суть в том, чтобы переключить внимание с пугающих мыслей на реальность, на то, что происходит здесь и сейчас. Когда почувствуешь, что тебя накрывает волна ужаса, остановись, сделай глубокий вдох и выдох. Затем назови пять вещей, которые ты видишь. Четыре вещи, которые ты можешь

потрогать. Три вещи, которые ты слышишь. Две вещи, которые ты чувствуешь на запах. И одну вещь, которую ты можешь попробовать на вкус.

Она объяснила это упражнение очень спокойно, словно рисовала безопасную тропинку в моем сознании. Я почувствовала, как напряжение немного ослабевает. Это казалось простым, даже слишком простым, но в то же время в этом было что-то успокаивающее. Возможность контролировать свой страх, пусть даже на несколько секунд, казалась сейчас невероятно ценной.

– Это всего лишь первый шаг, – продолжила Маргарита. – Но с его помощью ты сможешь вернуть себе ощущение контроля в тот момент, когда почувствуешь, что теряешься в своих кошмарах. Практикуй это упражнение каждый день, даже если тебе кажется, что оно не работает. Со временем оно станет твоим автоматическим ответом на панику.

Я кивнула, запоминая каждое ее слово.

Взяв ручку, я послушно записала «Заземление» в блокнот, стараясь запечатлеть не только слова, но и тепло, с которым Маргарита делилась этим знанием. В голове промелькнула мысль, что это может быть моим личным спасательным кругом, возможностью не утонуть в бескрайнем океане страха, который постоянно подстерегал меня.

Мысленно я уже начала прокручивать упражнение. Пять вещей, которые я вижу: пятно света на стене, книжный шкаф, деревянный стол, мягкое кресло и, конечно, серьезное, но такое доброе лицо Маргариты. Четыре вещи, которые я могу потрогать: шершавая обложка блокнота, гладкая ручка, мягкая ткань штанов, прохладная поверхность стола.

Маргарита наблюдала за мной с терпеливой улыбкой.

– Не торопись, – сказала она, заметив мое волнение. – Главное – прочувствовать каждый момент, погрузиться в ощущения. Не пытайся анализировать, просто наблюдай.

Я сделала еще один глубокий вдох, стараясь уловить ускользающие запахи. Две вещи, которые я чувствую на запах: легкий аромат травяного чая и что-то неуловимо древесное, должно быть, от старой мебели в кабинете. И, наконец, одна вещь, которую я могу попробовать на вкус... Я прикусила губу, вспоминая вкус мятной конфеты, которую жевала по пути сюда. Маргарита кивнула, одобряя мой выбор.

– Отлично, – сказала она. – Теперь ты можешь продолжать практиковаться, когда почувствуешь необходимость.

Благодарность переполняла меня, но внутри все еще таилась тревога. Я понимала, что "заземление" – это лишь инструмент, временная передышка в борьбе с тем, что гложет меня изнутри.

В этот момент в кабинет постучали. Маргарита увидев кто там стоит, пригласила войти.

Макс поздоровался и присел на краешек стула. Маргарита внимательно посмотрела на него и мягко произнесла:

– Максим Аркадьевич, мне необходимо с вами кое-что обсудить. Состояние Веры требует постоянного внимания и наблюдения. Если вы заметите у нее какие-либо признаки суицидальных наклонностей, если Вера будет говорить о желании покончить с собой или иным образом выражать подобное намерение, мы будем вынуждены предложить ей госпитализацию.

Лицо Макса помрачнело.

– Госпитализацию? – переспросил он, с тревогой глядя на меня. – Но... неужели все так серьезно?

Маргарита кивнула.

– Это необходимая мера предосторожности, Максим Аркадьевич. В стационаре Вера будет находиться под постоянным наблюдением специалистов, которые смогут оказать ей необходимую помощь. Срок госпитализации будет зависеть от динамики ее состояния и может быть неограничен во времени, до полного восстановления.

ГЛАВА 5. Вера.

После сеанса с Маргаритой мы с Максом молча поехали домой. Тяжелые слова о возможной госпитализации повисли в воздухе, давя на меня своей реальностью. Я старалась казаться спокойной, но внутри все дрожало. Дома мы быстро разошлись по своим комнатам, не обменявшись и словом. Я заснула почти мгновенно, провалившись в беспокойный сон, полный обрывков воспоминаний и смутных теней.

Утром меня разбудил запах жареной яичницы. С трудом поднявшись, переодевшись в домашнюю одежду, я поплелась на кухню. И тут я замерла в дверях. Макс стоял у плиты, сосредоточенно помешивая что-то в сковородке. На нем не было футболки, и в утреннем свете, падавшем из окна, я увидела их. Огромные, багровые синяки, покрывавшие его ребра. Каждый вдох, казалось, причинял ему боль.

В голове словно что-то щелкнуло. Я вспомнила его отсутствие той ночью, его молчание, его избегающий взгляд. Все сложилось в одну ужасную картину.

– Макс... что это? – прошептала я, боясь услышать ответ. Он вздрогнул, обернулся и попытался прикрыться рукой.

– Ничего, Вер. Просто... упал.

– Упал? – в голосе прозвучала истерика. – Макс, я же вижу! Это синяки от ударов! Это они, да?

Он молчал, опустив глаза. Я подошла ближе, осторожно дотронулась до одного из синяков. Он вздрогнул от боли.

– Скажи мне, Макс, – умоляла я, – это из-за них, да?

Ярость и отчаяние захлестнули меня. Я схватила телефон и, не слушая его протесты, вызвала скорую. Он сопротивлялся, говорил, что все в порядке, но я не слушала. Я знала, что он сделал это ради меня. И я не могла позволить ему страдать в одиночку.

Скорая приехала быстро. Парамедики осмотрели Макса, задавая вопросы, на которые он упорно не хотел отвечать. Я говорила за него, рассказывая о драке. Видела, как по его лицу пробегает тень досады, но я не могла остановиться. Ему нужна была помощь, и я была готова на все, чтобы ее получить.

В итоге, несмотря на его протесты, Макса увезли в больницу. Я поехала вместе с ним, не отпуская его руки ни на секунду. В приемном покое, пока его осматривали, я сидела в коридоре, терзаясь чувством вины. Это все из-за меня. Из-за того, что случилось со мной, он полез в драку и получил травмы.

После обследования врачи подтвердили перелом нескольких ребер и сотрясение мозга. Макса оставили в больнице, назначив лечение. Я провела рядом с ним весь день, ухаживая за ним и стараясь немного поднять ему настроение. Он был тих и подавлен, но я чувствовала, что ему легче от моего присутствия.

Вечером, перед тем как уехать домой, я крепко обняла его.

– Спасибо, Макс, – прошептала я. – За все.

Он лишь слабо улыбнулся в ответ. Я знала, что впереди нас ждет долгий путь к выздоровлению, как физическому, так и душевному. Но я была уверена, что мы справимся. Вместе.

Ночь выдалась бессонной. Я ворочалась, прокручивая в голове все события последних дней. Больница, бледное лицо Макса, его молчаливое согласие остаться там. Чувство вины с каждой минутой лишь усиливалось. Я понимала, что должна как-то искупить свою вину, но что именно я могла сделать?

На следующее утро я снова была в больнице. Макс выглядел немного лучше, но все еще был очень слаб. Он лежал, уставившись в потолок, и казался отстраненным. Я села рядом с ним, взяла его руку в свою. «

– Как ты? – тихо спросила я. Он пожал плечами, не отводя взгляда от потолка. — Макс... — я начала, дрожащим голосом, — Мне так жаль. Я... я не знаю, что сказать.

Макс молчал, глядя в потолок. Я видела, как ему больно даже просто лежать.

— Я... я виню себя, — продолжила я, сдерживая слезы. — Во всём, что произошло. Ты... ты пострадал из-за меня. Я не просила тебя приезжать, не просила заступаться. Ты не должен был рисковать собой.

Он медленно повернул голову ко мне. В глазах читалась усталость, но ни капли упрека.

— Эй, — прохрипел он, стараясь улыбнуться. — Тише.

— Как я могу быть тише, Макс? Ты сломал рёбра, у тебя сотрясение! Это всё из-за меня.

— Не говори глупости, — он поморщился от боли. — Я твой брат. Что я должен был сделать? Стоять и смотреть? Это не твоя вина, слышишь? Никогда так не говори. Просто... забудь об этом. Насколько это возможно.

Слезы все-таки прорвались, покатались по щекам. Я не могла остановить их поток. Я схватила его руку, сжала ее в своей. Его пальцы были холодными, слабыми.

— Прости меня, — прошептала я, не отрывая взгляда от его лица. — Прости, что так получилось.

Он попытался поднять руку и вытереть мои слезы, но резкая боль пронзила его тело, и он зашипел.

— Перестань, — проговорил он, тяжело дыша. — Ты же знаешь, я бы поступил так снова. Не важно, что случилось бы. Ты для меня... всё.

В горле встал ком. «Всё». Это слово прозвучало как клятва. Как вечный обет защиты. А что могла предложить ему я взамен? Только свою вину и постоянную тревогу за него.

Я наклонилась и осторожно поцеловала его в лоб. Он закрыл глаза. Я осталась сидеть рядом с ним, держа его руку, пока он снова не уснул. И в этой тишине, нарушаемой лишь тихим писком аппаратуры, я поклялась себе: я сделаю всё, чтобы он поправился. И чтобы он больше никогда не пострадал из-за меня.

Время тянулось мучительно медленно. Дни в больнице сливались в один бесконечный серый поток. Я навещала Макса каждый день, стараясь окружить его заботой и вниманием. Кормила, читала книги, просто сидела рядом, держа за руку. Врачи говорили, что восстановление займет какое-то время, но я верила в его скорейшее выздоровление.

Постепенно Макс начал приходить в себя. Боль утихала, он начал больше двигаться, шутить. В его глазах снова появился огонек. Мы много разговаривали, вспоминали детство, строили планы на будущее. Он старался убедить меня, что все хорошо, что он не жалеет ни о чем, но я видела в его глазах тень боли и усталости.

Однажды, когда я сидела рядом с его кроватью, он вдруг взял мою руку и крепко сжал.

— Вер, — сказал он тихо, — обещай мне кое-что.

— Что? — спросила я, испугавшись.

— Обещай, что больше не будешь винить себя. Я сделал это ради тебя, потому что люблю тебя. И я бы повторил это снова, не задумываясь. Просто... живи дальше, Вер. Будь счастлива. И не позволяй никому тебя обижать.

Я кивнула, с трудом сдерживая слезы. Слова Макса жгли душу, но я понимала, что он прав. Винить себя было бессмысленно. Нужно было жить дальше, ради него, ради нас обоих.

Через несколько дней меня вызвали в полицию для дачи показаний. Следователь был вежлив, но настойчив. Он задавал много вопросов о том вечере, о нападавших. Мне было тяжело вспоминать все это, но я понимала, что это необходимо.

— Мы задержали подозреваемых, — сказал следователь. — Нам нужна помощь в опознании.

Сердце бешено заколотилось. Я согласилась. В тот же день меня привезли в участок. Процедура опознания была мучительной. Я смотрела в глаза каждому из них, пытаюсь найти хоть что-то знакомое. И вдруг, в одном из них, я увидела его. Того, кто был слишком груб. Того, кто больше всего издевался надо мной. Но среди них не было его... Артема.

Вечером, вернувшись в больницу, я рассказала обо всем Макс. Он слушал молча, с непроницаемым выражением лица. Когда я закончила, он вздохнул и сказал:

– Спасибо, Вер. Теперь я могу быть спокоен. Они ответят за то, что сделали с тобой.

После моего визита в полицию, атмосфера в палате стала ощутимо напряженной. Макс, и без того ослабленный, казалось, собрал все свои силы в кулак. В его взгляде появилась сталь, которая раньше была мне не знакома. Я боялась спрашивать, о чем он думает, но знала – его мысли были далеко не о больничной еде и скором выздоровлении.

Несколько месяцев спустя Макса выписали. Дома он старался вести себя как обычно, шутил, улыбался, но я видела, как ему тяжело даются даже самые простые действия. Ночами он плохо спал, часто просыпался в холодном поту. Я пыталась окружить его заботой, но чувствовала, что между нами образовалась невидимая стена.

Однажды вечером, когда я уже собиралась ложиться спать, Макс постучался в мою комнату. В его руке был телефон.

– Вер, – сказал он тихо, – посмотри.

На экране я увидела новостную ленту. Заголовок гласил: «В городе задержана группа лиц, подозреваемых в групповом изнасиловании». Под заголовком была фотография тех самых людей, которых я опознала в полиции. И среди них... Артем. Сердце бешено заколотилось.

Макс молча смотрел на меня. В его глазах не было ни триумфа, ни злорадства. Только усталость и какая-то глухая печаль.

– Теперь все кончено, Вер, – прошептал он. Я обняла его, крепко-крепко. И в этот момент я поняла, что наша жизнь, наконец, возвращается в нормальное русло. Что кошмар позади.

Через несколько недель нас с Максом вызвали в суд. В повестке значилось, что мы должны дать показания по делу наших обидчиков. Я испытывала смешанные чувства – страх, тревогу и одновременно надежду на то, что справедливость восторжествует. Макс старался меня поддерживать, но я видела, как ему самому тяжело находиться в этой ситуации.

В день суда я проснулась с ощущением ледяного ужаса в животе. Макс, несмотря на свои травмы, был рядом, готовый поддержать меня. Мы вошли в здание суда, как на эшафот. Давящая атмосфера, взгляды незнакомых людей, ожидание – все это сжимало сердце.

В зале суда было полно людей. Журналисты, родственники обвиняемых, просто любопытные. Я чувствовала себя как на ладони. Когда нас вызвали для дачи показаний, я с трудом смогла произнести хоть слово. Голос дрожал, внутри все тряслось. Макс держался стойко, отвечал четко и уверенно. Он был моей опорой, моей защитой.

Во время слушания я видела их – тех, кто сломал мою жизнь. Они сидели в клетке, бледные и испуганные. Их взгляды были полны ненависти и презрения. Я старалась не смотреть на них, сосредоточившись на своих показаниях. Рассказывала о том страшном вечере, о боли, о страхе, о том, как это повлияло на мою жизнь.

Суд длился несколько дней. В конце концов, присяжные вынесли вердикт – все четверо были признаны виновными.

Их ждали долгие годы тюрьмы. Я выдохнула с облегчением. Справедливость восторжествовала.

После суда мы с Максом вернулись домой. Впервые за долгое время в нашем доме воцарилось спокойствие. Мы понимали, что шрамы прошлого будут долго напоминать о себе, но теперь мы могли смотреть в будущее с надеждой. Но никто не мог знать, что происходит в моей сломанной судьбе.

ГЛАВА 6. Вера.

Несколько недель спустя я решаюсь на второй шаг к исцелению – возобновить походы к психологу. Маргарита встретила меня с теплом и пониманием. На первой встрече я едва могла говорить, слезы душили меня, а воспоминания нахлынули с новой силой. Но Маргарита умела слушать, не перебивая, не осуждая. Она создала безопасное пространство, где я могла, наконец, выпустить свою боль.

Сегодня мой второй визит. Я нервничаю, но и чувствую какое-то облегчение. Кажется, словно вытаскиваешь занозу из сердца. Я сажусь в кресло, Маргарита касается моей руки, давая понять, что я не одна.

Мы говорим о том злополучном вечере, о моих чувствах, о страхе и злости, которые разрывают меня изнутри. Маргарита помогает мне разбирать все по полочкам, находить отправные точки для работы. Говорит, что это долгий путь, но я не должна сдаваться. Что я сильная и обязательно справлюсь.

Она задает вопросы об изнасиловании, о моем теле, о том, как я теперь ощущаю себя в этом мире. Мне трудно говорить, но я стараюсь быть честной. Маргарита объясняет, что это нормально – чувствовать отвращение к себе, что нужно время, чтобы принять случившееся и научиться жить с этим.

В конце сессии я чувствую себя немного легче. Словно вылила часть своей боли. Маргарита дает мне домашнее задание – вести дневник, записывать свои мысли и чувства. Я соглашаюсь. Понимаю, что это только начало, но я готова идти дальше.

Вечером, дома, достав новый блокнот и ручку, я уселась за стол. Комната казалась пустой и холодной, несмотря на включенный торшер. Первая страница долго оставалась чистой. Слова не шли, эмоции снова застряли комом в горле. Я попыталась вспомнить совет Маргариты – просто писать, что приходит в голову, не оценивая и не критикуя. И тогда, словно прорвало плотину, чернила заскользили по бумаге, заполняя ее хаотичными, порой бессвязными фразами. Страх, гнев, отчаяние, вина – все переплелось в этом сумбурном потоке сознания.

Прошло несколько дней, и ведение дневника стало моей отдушиной. Каждое утро и вечер я находила время для этого ритуала. Иногда писала целые страницы, иногда всего несколько строк. Но даже эти короткие записи помогали мне хоть немного дистанцироваться от своих переживаний, взглянуть на них со стороны. Я начала замечать закономерности в своих мыслях, повторяющиеся кошмары и страхи. Это давало мне возможность лучше понимать себя и свои реакции.

На следующей сессии с Маргаритой я рассказала о своих успехах с дневником. Она похвалила меня за усердие и предложила немного изменить подход. Теперь, помимо описания своих чувств, я должна была стараться найти позитивные моменты в каждом дне, даже самые маленькие и незначительные. Это оказалось сложнее, чем я думала. Мир казался серым и безрадостным, и поиск светлых пятен требовал огромных усилий.

Но постепенно, день за днем, мне удавалось находить что-то хорошее. Теплый солнечный луч, пробившийся сквозь тучи, улыбка случайного прохожего, вкус чашки горячего чая. Эти маленькие радости становились моими якорями, удерживающими меня на плаву в океане отчаяния. Я начала верить, что исцеление возможно, что жизнь может вернуться к нормальному руслу, пусть и с новыми шрамами. И эта вера давала мне силы двигаться дальше.

До того вечера, как я заглянула в почтовый ящик и увидела письмо из тюрьмы. От него... кто сломал мою жизнь.

Сердце бешено заколотилось, кровь отлила от лица. Руки задрожали, отказываясь подчиняться. Адрес отправителя не оставлял сомнений – исправительное учреждение строгого режима. Конверт был без обратного адреса, только номер отряда. Меня затошнило.

Пальцы не слушались, но любопытство, смешанное с животным ужасом, пересилило. Я вскрыла конверт дрожащими руками. Листок бумаги, исписанный крупными, размашистыми буквами, словно кричал.

«Привет, куколка. Скучала? Я скоро выйду. И знаешь, мне есть, что тебе сказать. Ты заплатишь за то, что я здесь сижу. Я найду тебя, где бы ты ни была. И тогда расплата будет намного страшнее, чем ты можешь себе представить.»

Дрожащими пальцами я смяла письмо в комок и бросила его на пол. Меня затрясло, как в лихорадке. Все достижения последних месяцев, все мои усилия по исцелению рассыпались

прахом. Страх вернулся с новой, еще более мощной волной, затопляя меня целиком. Я снова оказалась в том кошмарном вечере, беспомощная и сломленная.

– Маргарита, это я... он... он написал мне, – слова с трудом вырывались из горла, словно застревали там, сдерживаемые паникой. – Письмо... он угрожает... – Голос сорвался, и я не смогла сдержать всхлип.

На другом конце провода воцарилось мгновение тишины.

– Дыши, милая, дыши. Я здесь. Расскажи мне все спокойно.

В голосе Маргариты звучало спокойствие и твердость, словно якорь, брошенный в бушующее море. Я сделала глубокий вдох, стараясь ухватиться за эту надежную нить.

Я рассказала ей о письме, о его содержании, о том ужасе, который снова сковал меня. Маргарита внимательно слушала, не перебивая, и лишь изредка задавала уточняющие вопросы. Когда я закончила, она мягко произнесла:

– Самое главное сейчас – твоя безопасность. Немедленно обратись в полицию. Покажи им письмо, объясни ситуацию. Ты имеешь право на защиту. Позвони Макс и пусть он будет рядом.

Я понимала, что она права, но страх парализовал меня.

– Я боюсь... что если это только разозлит его еще больше? Что если он найдет способ добраться до меня и там?

Маргарита вздохнула.

– Я понимаю твой страх, но бездействие – это худшее, что ты можешь сейчас сделать. Ты должна взять ситуацию под контроль, а не позволять ей контролировать тебя. Полиция может предоставить защиту, твой брат может изменить твои данные. В конце концов, вы можете переехать.

Я дрожащей рукой положила трубку. Её слова, словно капли света, пробивались сквозь пелену ужаса. Она права. Я не должна снова стать жертвой.

Набрав номер Макса, я услышала гудки, словно стук сердца.

– Вера? Что случилось?

– Он написал мне, Макс, – проговорила я дрожащим голосом. – Из тюрьмы. Угрожает. Говорит, что найдет меня, когда выйдет.

В трубке повисла тишина. Я услышала, как Макс шумно выдохнул.

– Я сейчас приеду. – Я услышала, как Макс шумно выдохнул. – Вера он сможет тебе причинить вреда.

Мысленно я это понимаю, но воспоминания не дают здравому смыслу одержать верх.

Макс приехал быстро. Обнял крепко, как в детстве, когда я боялась грозы. Его объятия всегда были для меня убежищем. Он прочитал письмо, лицо его потемнело. Ярость, клокоотавшая в нем, чувствовалась физически.

– Он пожалеет, что вообще родился, – прорычал Макс, сжимая кулаки. – Но сейчас главное – ты.

Вечерами мы сидели на кухне, пили чай, разговаривали. Макс рассказывал смешные истории из детства, стараясь отвлечь меня от тяжелых мыслей. Я улыбалась, но страх все равно сидел где-то глубоко внутри, готовый вырваться наружу в любой момент. Но я держалась.

На следующее утро мы вместе пошли в полицию, где я написала заявление и предоставила письмо как доказательство. Детектив отнесся к делу серьезно, обещал принять меры и держать меня в курсе. Конечно, я понимала, что это лишь формальность, что реальной защиты ждать не приходится. Но все же, это было лучше, чем ничего.

Дни тянулись медленно, наполненные тревогой и ожиданием. Я старалась вести нормальную жизнь, ходить на работу, встречаться с друзьями, но все мои мысли были заняты одним – им. Я постоянно оглядывалась, прислушивалась к каждому шороху, боялась оставаться одна.

На одной из сессий Маргарита предложила мне попробовать медитацию и техники релаксации. Сначала я отнеслась к этому скептически, но потом решила попробовать. И, к моему удивлению, это действительно помогало. На несколько минут я могла отвлечься от страха, почувствовать себя в безопасности.

Спустя месяц напряженного ожидания, когда я уже начала немного успокаиваться, раздался звонок из полиции. Сообщили, что моего обидчика перевели в другую тюрьму, расположенную в другом регионе. Это немного успокоило меня, но страх все равно остался. Я понимала, что он все еще на свободе, пусть и за решеткой, и что когда-нибудь он выйдет.

И долго ждать не пришлось. Через неделю пришло новое письмо...

Конверт был без обратного адреса, но я уже знала, от кого он. Внутри лежала фотография – моя фотография, сделанная скрытой камерой возле моего дома. На отдельном листочке текст:

«Ты думала, что я забуду? Что мои чувства к тебе угаснут за этими стенами? Нет, дорогая, они лишь окрепли, как сталь, закаленная в огне. Каждая ночь, проведенная без тебя, лишь подпитывала мою решимость. Видеть тебя, обладать тобой – это моя цель, и я не позволю никому встать на моем пути.

Ты можешь прятаться, бегать, но от меня не убежишь. Я знаю каждый твой шаг, каждое твое дыхание. Я – тень, что следует за тобой, невидимая, но всегда рядом. Чувствуешь мое присутствие, правда? Этот холодок по коже, это ощущение, что за тобой наблюдают... Это я, моя любовь.

Подумай об этом. Прими свою судьбу. Сопротивление бесполезно. Ты приговорена ко мне с того самого момента, как наши глаза впервые встретились. И поверь, я не буду одинок. У меня осталось еще четверо друзей, которые скучают по тебе, и они тоже хотят сказать тебе “привет”. Думаешь, тебе будет легче, если просто вернешься и отдашься нам добровольно?

Я не хочу причинять тебе боль, но если ты вынудишь меня, я это сделаю. Я сделаю все, чтобы ты была моей. Помни это.

Жди меня».

Мир снова рухнул. Я перестала спать, есть, работать. Паранойя стала моим постоянным спутником. Я жила в осаде, забаррикадировавшись в своей квартире, боясь выйти на улицу. Макс пытался вытащить меня из этого состояния, но все было тщетно. Я знала, что рано или поздно он доберется до меня.

Маргарита предложила мне обратиться к гипнотерапевту. Я согласилась, не видя другого выхода. Несколько сеансов гипноза помогли мне немного успокоиться, взглянуть на ситуацию под другим углом. Я начала понимать, что страх – это всего лишь эмоция, и я могу научиться контролировать ее.

Ночью я проснулась от странного шума за дверью. Сердце бешено колотилось, я затаила дыхание. Шум повторился, стал более настойчивым. Я поняла, что кто-то пытается взломать мою дверь. Собрав всю свою волю в кулак, я схватила кухонный нож и приготовилась к худшему.

Дверь с треском распахнулась, и на пороге появился... Макс. Он был пьян и, заплетаясь языком, что-то говорил о том, как сильно любит меня и хочет защитить. Я разрыдалась от бессилия и отчаяния. Не от страха. А от того, что даже самый дорогой мне человек не может меня защитить от самой себя.

ГЛАВА 7. Вера.

Макс тянет ко мне руки, пытается обнять, но я отшатываюсь, сжимая нож еще крепче. Его пьяные глаза выражают непонимание и обиду.

– Что случилось, сестренка? Почему ты на меня так смотришь? – бормочет он, шатаясь. Я не могу говорить, ком в горле душит. Не могу объяснить ему весь тот ужас, что поселился внутри меня, разъедает изнутри.

Заставляю себя дышать ровно, медленно опускаю нож. Макс, кажется, немного протрезвел, испугался моего вида. Он делает шаг назад, смотрит с тревогой.

– Я... я просто хотел убедиться, что с тобой все в порядке. Мне было страшно за тебя, – говорит он, опуская плечи.

Я чувствую, как истерика подступает. Не могу больше сдерживаться. Слова вырываются наружу, как поток лавы:

– Уходи! Уходи, Макс! Ты не можешь меня защитить! Никто не может! – Я падаю на пол, рыдая, и нож выскальзывает из моей слабеющей руки.

Он садится рядом, обнимает меня, пытается успокоить. Но его объятия больше не приносят утешения. Только усиливают чувство беспомощности и безысходности. Я одна в этой войне. Одна против монстров, живущих в моей голове и тех, что рыщут где-то рядом, за пределами моей квартиры, готовые в любой момент нанести удар. И я знаю, что они вернуться. Они всегда возвращаются.

Макс что-то шепчет, гладит по голове, но я не слышу его слов. В голове – только одна мысль: нужно бежать. Бежать как можно дальше, спрятаться там, где они меня не найдут. Только где? Где есть такое место? Голос в голове шепчет, что нигде. Что они вездесущи, что они всегда будут рядом, наблюдая, выжидая момент.

С трудом отталкиваю его от себя, поднимаюсь на ноги. Смотрю в зеркало, вижу в отражении измученную, испуганную женщину, тень самой себя. Это я? Неужели я так изменилась? Слабая, сломленная, дрожащая от страха. Нет, я не позволю им сломить меня окончательно.

Нужно действовать. Прямо сейчас. Пока они не пришли. Собираю вещи в сумку – минимум необходимого: деньги, документы, одежда. Оставляю Макса в растерянности, не объясняя ничего. Просто пишу короткую записку: *"Прости. Мне нужно уйти. Не ищи меня"*.

Выхожу из квартиры, оглядываясь по сторонам. Каждый прохожий кажется подозрительным, каждая машина – угрозой. Сажусь в первое попавшееся такси и называю адрес вокзала. Не знаю, куда поеду. Главное – сбежать, исчезнуть. А там – будь что будет.

Такси мчит по улицам города, огни витрин мелькают за окном, отражаясь в моих заплаканных глазах. Я чувствую, как сердце бешено колотится в груди, готовое вырваться наружу. Кажется, что время тянется бесконечно долго, каждая секунда – как пытка. Я постоянно оглядываюсь, мне кажется, что нас преследуют.

На вокзале – хаос и суета. Толпы людей спешат по своим делам, не обращая на меня никакого внимания. И это хорошо. Я покупаю билет на первый попавшийся поезд, отправляющийся в неизвестном направлении. Главное – подальше отсюда. Сажусь в вагон, выбираю место у окна, чтобы видеть все, что происходит снаружи.

Поезд трогается, и я чувствую, как напряжение немного спадает. Но страх не отступает. Он прочно поселился в моем сердце, отравляя мою жизнь. Я не знаю, что меня ждет впереди, но я готова ко всему. Я должна быть сильной. Ради себя.

Я смотрю в окно, и пейзаж за окном постепенно меняется. Город остается позади, уступая место полям и лесам. Я чувствую себя маленькой, беззащитной, потерянной в этом огромном мире. Но я не сдаюсь. Я буду бороться. Я найду способ выжить.

Я верю, что однажды я смогу вернуться к нормальной жизни. Что однажды я смогу забыть этот кошмар. Но пока я должна бежать. Бежать и прятаться. Это – мой единственный шанс на спасение.

Ночь окутывает вагон непроглядной тьмой. Лишь редкие огоньки станций вспыхивают ненадолго, напоминая о существовании цивилизации. Я кутаюсь в плащ, пытаюсь согреться не только физически, но и душевно. Вспоминаю прошлое, словно просматриваю старый фильм, где я – совсем другая, счастливая и беззаботная. Теперь это кажется лишь сном, далеким и недостижимым.

Утром просыпаюсь от стука колес и яркого солнечного света, проникающего сквозь грязное стекло. Пейзаж за окном изменился до неузнаваемости. Вместо полей и лесов – бескрайняя степь, уходящая вдаль до самого горизонта. Этот простор, раньше вдохновлявший меня, теперь вызывает лишь тоску. Я чувствую себя еще более одинокой в этом безграничном мире.

На одной из станций я решаю сойти. Небольшой провинциальный городок встречает меня тишиной и умиротворением. Здесь нет суеты и шума больших городов. Кажется, что время здесь остановилось. Я чувствую, что могу затеряться в этом месте, стать незаметной. Снимаю небольшую комнату в старом доме, пытаюсь прийти в себя.

Дни тянутся медленно и однообразно. Я стараюсь не привлекать к себе внимания, живу тихой и незаметной жизнью. Работаю в местной библиотеке, погружаясь в мир книг. Читаю о приключениях, о любви, о надежде. И постепенно, медленно, во мне начинает просыпаться желание жить дальше. Желание бороться. Желание верить.

Я понимаю, что бегство не может продолжаться вечно. Что рано или поздно мне придется столкнуться со своими страхами. Но пока я набираюсь сил, восстанавливаю свою душу.

И вот, когда забрезжил слабый лучик надежды, когда я начала верить, что смогу построить новую жизнь, приходит оно. Письмо. Обычный белый конверт, ничем не примечательный. Но моя рука дрожит, когда я беру его. Адрес отправителя – колония строгого режима. Сердце уходит в пятки. Я узнаю его почерк. Опять.

Вскрываю конверт дрожащими пальцами. Внутри – листок бумаги, исписанный кривыми, злобными буквами.

"Привет, киска. Думала, я тебя забыл? Думала, сбежала? Ты – моя, и ты это знаешь. Я выйду, и ты заплатишь за все. Жди".

Мир рушится в одно мгновение. Все усилия, все надежды – в прах. Он найдет меня. Снова.

Я падаю на пол, задыхаясь от ужаса. Слезы душат, ком в горле не дает дышать. Все начинается сначала. Страх, паника, отчаяние. Я снова сломана.

Хватаю сумку, бросаю в нее вещи как попало. Бегу из комнаты, из города. Снова бегу в никуда. Письмо горит в камине, но слова навечно впечатаны в мое сознание. Он идет за мной. И я знаю, что мне никогда не скрыться. Монстр, которого я так отчаянно пыталась забыть, снова преследует меня.

Ночь окутывает меня своим липким страхом, пока я мчусь по трассе, не разбирая дороги. Фары встречных машин ослепляют, словно насмехаясь над моей слепотой. Я не знаю, куда еду, лишь бы подальше, лишь бы успеть ускользнуть, прежде чем он выйдет на свободу. Каждая тень кажется его силуэтом, каждый звук – его шагами. Паранойя становится моим верным спутником, шепча безумные предостережения на ухо.

Заправка. Я выхожу из машины, стараясь дышать ровно, не выдавая свой страх. Девушка за прилавком смотрит на меня с любопытством, но я отвожу взгляд. Нельзя никому доверять. Никто не должен знать, кто я и откуда бегу. Заливаю полный бак, расплачиваюсь, не глядя в глаза, и снова в путь.

Я меняю машины, меняю имена, города становятся лишь временными пристанищами, где я замираю на короткое время, а затем снова срываюсь с места. Нет лица, нет прошлого, нет будущего. Есть только бегство, бесконечный, изматывающий бег от тени, которая всегда где-то рядом.

Иногда, на короткие мгновения, когда солнце пробивается сквозь тучи, я позволяю себе поверить, что смогу вырваться. Что однажды я проснусь, и страх отступит. Но затем снова приходит ночь, и тьма приносит с собой его слова, его обещание мести. И я снова бегу. Бегу, пока не останется сил. Бегу, пока не исчезну совсем.

Телефонный звонок раздался неожиданно, вырывая меня из оцепенения. Незнакомый номер. Сердце замерло, готовое сорваться в паническую атаку. Но что-то внутри, слабая надежда, заставило меня ответить.

– Алло? – выдохнула я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Это ты, Вера? – Знакомый, до боли родной голос прозвучал в трубке. – Это Макс.

Слёзы брызнули из глаз. Макс. Мой брат. Единственный человек, которому я когда-то доверяла.

– Макс... – прошептала я, боясь спугнуть это хрупкое мгновение.

– Я знаю, Вера. Я знаю всё, что случилось. Я искал тебя повсюду. Пожалуйста, вернись домой. Тебе здесь будет безопасно. Я обещаю.

Его слова были как спасательный круг в бушующем море. Безопасность. Это слово звучало утопией в моей нынешней жизни. Но голос Макса... в нем была такая уверенность, такая любовь, что я поверила. Может быть, впервые за все эти месяцы, я действительно поверила в то, что у меня есть шанс на спасение.

С надеждой, робко прорастающей сквозь броню страха, я спросила:

– Что ты имеешь в виду? Как ты можешь это обещать?

– Я позаботился об этом, Вера. Артём вышел по УДО, его встретили... должным образом. Он больше никогда не причинит тебе вреда. Возвращайся, сестренка. Мы все тебя ждем.

Ноги подкосились. Я села прямо на обочину дороги, слушая, как рыдания разрывают мою грудь. Смогу ли я когда-нибудь жить без страха? Смогу ли я снова спать спокойно?

Дорога домой была долгой и мучительной. Каждый километр отдалял меня от кошмара, но приближал к неизвестности. Смогу ли я, сломленная и израненная, снова стать прежней Верой?

Когда такси остановилось у моего дома, сердце забилося как бешеное.

Дом встречает меня теплом и уютом. Макс обнимает меня крепко, прижимает к себе, как в детстве. Я чувствую его поддержку, его любовь. Кажется, что часть моей боли уходит, растворяется в его объятиях.

И вдруг – звонок в дверь. Макс настороженно смотрит на меня, потом идет открывать. Я замираю, сердце колотится как бешеное. Страх сковывает меня цепями.

В дверях стоит Артём. Его глаза горят ненавистью. Он улыбается, но в этой улыбке – только злоба и угроза.

– Я дома, *Верочка*, – шепчет он, и мир вокруг меня рушится. Ноги подкашиваются, и я понимаю, что бежать больше некуда.

Время словно замирает. Артём входит в дом, словно хозяин, осматривается с презрительной ухмылкой. Макс пытается загородить меня от него, но Артём лишь отталкивает его в сторону с презрением.

– Не вмешивайся, Макс. Это не твое дело, – цедит он сквозь зубы.

Я стою, парализованная ужасом, не в силах произнести ни слова. Все мои надежды на спасение, на новую жизнь, рушатся в одно мгновение. Артём подходит ко мне вплотную, берет мое лицо в ладони.

– Ты думала, что сможешь убежать от меня, Верочка? Ты ошиблась. Я всегда найду тебя.

Я пытаюсь вырваться, но его хватка слишком сильна. В его глазах я вижу лишь безумие и жажду власти. Он ведет меня к выходу, несмотря на протесты Макса. Я знаю, что меня ждет, и это знание горше любой смерти.

Макс пытается остановить его, но Артём достает нож.

– Еще один шаг, и ты пожалеешь, – рычит он, глядя на Макса убийственным взглядом. Макс замирает, не в силах помочь мне. Я вижу в его глазах отчаяние и бессилие.

Артём выталкивает меня из дома, в темноту ночи. Я знаю, что это конец. Все мои мечты о счастье разбились о жестокую реальность. Я в ловушке, из которой нет выхода. И единственное, что я могу сделать, – это смириться со своей судьбой.

С улицы в лицо ударяет ледяной ветер, пробираясь под тонкую куртку. Артём тащит меня за собой, словно тряпичную куклу, не обращая внимания на мои отчаянные попытки вырваться. Он что-то злобно шепчет, но я не могу разобрать слов, лишь чувствую обжигающее дыхание у виска. Страх парализует волю, заставляя подчиняться каждому его движению.

Он заталкивает меня в машину, старую "девятку" с грязными стеклами и пропахшим бензином салоном. Я пытаюсь открыть дверь, но он захлопывает ее с такой силой, что дрожит весь кузов.

– Даже не пытайся, – рычит он, – все равно не убежишь. – Заводит двигатель, и машина срывается с места, вывозя меня в неизвестность.

Пока мы едем, я все больше впадаю в отчаяние. Смотрю в окно, надеясь увидеть знакомые ориентиры, но вокруг лишь темнота и безразличные огни ночного города. В голове проносятся обрывки воспоминаний, счастливые моменты, которые кажутся такими далекими и нереальными. Слезы невольно текут по щекам, смешиваясь с холодом ветра, проникающего в салон через щели.

Вскоре машина останавливается в глухом месте, вдалеке от города. Вокруг лес, тишина, лишь изредка нарушаемая завыванием ветра. Артём вытаскивает меня из машины, ведет вглубь леса, не обращая внимания на мои мольбы и слезы. Я знаю, что сейчас произойдет самое страшное, и не могу ничего изменить. Моя жизнь кончается здесь, в этой лесной глуши, в руках безумца, который когда-то клялся в любви.

Он толкает меня на землю, и я падаю, ощущая всем телом холодную сырость земли и колючие ветки под собой. Артём нависает сверху, его лицо искажено злобой и безумием. В глазах нет ни капли того тепла, которое я когда-то видела в них.

– За что? – шепчу я, надеясь найти хоть какой-то ответ, хоть какое-то оправдание происходящему.

– За все, – отвечает он грубо, – За твою ложь, за то, что разрушила мою жизнь.

Я пытаюсь возразить, объяснить, что он ошибается, что все это неправда, но слова застревают в горле, не находя выхода. Он не слушает, он уже не слышит меня. В его глазах лишь ненависть и жажда мести.

Он достает из кармана нож, и я замираю от ужаса. Последние секунды жизни пролетают перед глазами, как кадры старого фильма. Я вижу лица родных и близких, слышу их голоса, чувствую их любовь. И понимаю, что жизнь, которую я так любила, обрывается здесь, в этом темном и страшном лесу. Нож сверкает в лунном свете, и я закрываю глаза, ожидая неизбежного.

Нож вонзается в землю рядом с моим лицом. Я вздрагиваю от неожиданности, открываю глаза и вижу, как Артём тяжело дышит, глядя на меня сверху вниз. Нож остается воткнутым в землю, словно символ его власти надо мной.

– Я не убью тебя, – хрипит он, – Слишком просто будет. Я заставлю тебя страдать. Я сделаю твою жизнь адом, Верочка. Ты будешь жалеть каждый день, что родилась на этот свет.

Он поднимается и уходит, оставляя меня лежать на холодной земле, в одиночестве и отчаянии. Я лежу, не в силах пошевелиться, парализованная страхом и ужасом. Холод пробирает до костей, но физическая боль ничто по сравнению с душевной. Я чувствую себя сломленной, уничтоженной, лишенной всякой надежды на будущее.

Через какое-то время я все же нахожу в себе силы подняться. Шатаюсь, бреду по лесу, не зная, куда иду. Ориентируюсь лишь на лунный свет, пробивающийся сквозь ветви деревьев. Слезы льются ручьем, но я не могу их остановить. Они – отражение моей боли, моего страха, моей безысходности.

Выхожу на дорогу, иду вдоль нее, надеясь встретить хоть кого-нибудь, кто сможет мне помочь. Но вокруг лишь темнота и тишина. Чувствую себя потерянной, брошенной, никому не нужной.

Внезапно, вдалеке появляются огни фар. Я замираю, не зная, чего ожидать. Страх подсказывает бежать, спрятаться, но надежда оказывается сильнее. Я делаю шаг вперед, потом еще один, пока не оказываюсь на обочине дороги, прямо перед приближающейся машиной. Фары ослепляют, я зажмуриваюсь, поднимаю руку, пытаюсь защититься от света.

Машина останавливается. Я слышу звук открывающейся двери, чьи-то шаги. Медленно открываю глаза. Передо мной стоит мужчина. Лицо его скрыто в тени, но я вижу, что он смотрит на меня с беспокойством.

– Что случилось? – спрашивает он. Голос его звучит мягко, участливо.

Я не могу ответить. Слова застревают в горле, слезы душат. Вместо слов, из меня вырывается лишь судорожный всхлип. Мужчина подходит ближе, берет меня за руку. Его прикосновение теплое, успокаивающее.

– Пойдем, – говорит он. – Я помогу тебе.

Я иду за ним, не раздумывая. В этот момент я готова довериться любому, кто проявит ко мне хоть каплю сочувствия. Сажусь в машину. Тепло печки согревает заledenевшее тело. Смотрю в окно, на убегающие вдаль деревья. Впервые за последние часы я чувствую себя в безопасности. Но страх все еще живет во мне, заставляя вздрагивать от каждого шороха, от каждого резкого движения.

ГЛАВА 8. Вера.

Мужчина молча ведет машину, лишь изредка бросая на меня взгляды, полные сочувствия и понимания. Я не знаю, кто он, куда везет меня, но чувствую, что ему можно доверять. Постепенно успокаиваюсь, хотя внутри все еще бушует буря эмоций.

– Ты зачем под машину бросилась?

Его вопрос застал меня врасплох. Я лихорадочно замотала головой, пытаюсь отрицать его слова.

– Я не бросалась... Я просто... шла, – прошептала я, чувствуя, как новые слезы подступают к глазам. Мне было стыдно, унижительно признаться в том, что произошло. Стыдно за свою слабость, за свой страх.

Мужчина ничего не ответил, лишь кивнул, давая мне понять, что не будет настаивать. Он включил радио, и салон наполнился тихой, успокаивающей мелодией. Я украдкой взглянула на него. В полумраке я смогла лучше рассмотреть его лицо. Правильные черты, волевой подбородок, глубоко посаженные глаза, в которых читалась усталость, но и какая-то внутренняя сила. Он казался надежным, спокойным, человеком, который может защитить.

Через какое-то время машина свернула с трассы и въехала в небольшой поселок. Мы остановились возле уютного, двухэтажного дома с освещенными окнами. Мужчина заглушил двигатель и обернулся ко мне.

– Мы приехали. Тебе нужно отдохнуть.

Он помог мне выйти из машины и повел к дому. Внутри было тепло и пахло свежей выпечкой. Навстречу нам вышла женщина, с добрым, приветливым лицом. Увидев меня, она ахнула, но тут же взяла себя в руки и подошла, чтобы обнять.

– Бедняжка, что же с тобой случилось? – проговорила она, глядя меня по голове. – Не волнуйся, все будет хорошо. Мы поможем тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.